

В. Г. Белинский

Петербургский сборник

Виссарион Григорьевич Белинский

Петербургский сборник

*Текст предоставлен правообладателем.
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=2685975*

Аннотация

Появление «Петербургского сборника» было крупным событием в русской литературе 40-х годов. Не ограничиваясь узкой областью «физиологического очерка», молодая реалистическая литература успешно овладевала разнообразными жанрами, на первом месте среди которых были роман и повесть. В «Петербургском сборнике» напечатан роман Достоевского «Бедные люди».

Содержание

Конец ознакомительного фрагмента.

12

Примечания

Виссарион Григорьевич Белинский Петербургский сборник,

изданный Н. Некрасовым. Некоторые статьи иллюстрированы. – В. Г. Белинский. Ф. М. Достоевский. Искандер. А. И. Кронеберг. А. Н. Майков, Н. А. Некрасов. А. В. Никитенко. И. И. Панаев. Гр. В. А. Соллогуб. И. С. Тургенев. – Санкт-Петербург, 1846.

«Бедные люди», роман г. Достоевского, в этом альманахе – первая статья и по месту и по достоинству. Начинаем с нее.

Появление всякого необыкновенного таланта рождает в читающем и пишущем мире противоречия и раздоры. Если такой талант является в раннюю эпоху еще неустановившейся литературы, – он встречает, с одной стороны, восторженные клики, неумеренные хвалы, с другой – безусловное осуждение, безусловное отрицание. Так было с Пушкиным. Одни увидели в нем «северного Байрона» (как будто где-нибудь был южный Байрон!), «представителя современного человечества», и все это – по первым его произведениям, особенно по тем, которые были слабее других и теперь совершенно потеряли безотносительную ценность^[1]; другие упорно смотрели на его произведения, как на унижение, профана-

нацию поэзии, во имя дебелых торжественных од, к которым привыкли с детства. Понять Пушкина предоставлено было уже другому поколению, и едва ли уже не после его смерти. Несколько иначе было с Гоголем. Много встретил себе врагов талант Пушкина, но несравненно более явилось преданных ему друзей, восторженных его почитателей. Против него были старцы летами и духом; за него – и молодые поколения, и сохранившие свежесть чувства старики. Как всякий великий талант, Гоголь скоро нашел себе восторженных поклонников, но число их было уже далеко не так велико, как у Пушкина. Можно сказать, что как на стороне Пушкина было большинство, так на стороне Гоголя – меньшинство: большинство же было сначала решительно против Гоголя. И это очень естественно: мир поэзии Гоголя так оригинален и самобытен, так принадлежит исключительно его таланту, что даже и между людьми, не омраченными пристрастием и не лишенными эстетического смысла, нашлись такие, которые не знали, как им о нем думать. В недоумении, им казалось, что это или уж слишком хорошо, или уж слишком дурно, – и они помирились на половине с творениями самого национального и, может быть, самого великого из русских поэтов, то есть решили, что у него есть талант, даже большой, только идущий по ложной дороге. Естественность поэзии Гоголя, ее страшная верность действительности, изумила их уже не как смелость, но как дерзость. Если и теперь еще не совсем исчезла из русской литературы та чопорность, которая

так прекрасно выражается французским словом *gruderie*¹ и в которой так верно отразились нравы полубоярской и полумещанской части нашего общества; если и теперь еще существуют литераторы, которые естественность считают великим недостатком в поэзии, а неестественность великим ее достоинством и новую школу поэзии думают унижить эпитетом «натуральной», – то понятно, как должно было большинство публики встретить основателя новой школы. И потому естественно, что еще и теперь в нем упорствуют признавать великий талант часто те самые люди, которые с жадностью читают и перечитывают каждое его новое произведение; а кто теперь не читает с жадностью его новых и не перечитывает с наслаждением его старых произведений? Нет нужды говорить, что беспощадная истина его созданий – одна из причин этого нерасположения большинства публики признать *на словах* великим поэтом того, кого оно же, это же большинство, признало великим поэтом *на деле*, читая и раскупая его творения и даже самыми своими нападками на них давая им больше, нежели только литературное значение. Но, при всем том, первая и главная причина этого непризнания заключается в беспримерной в нашей литературе оригинальности и самобытности произведений Гоголя. Говорим: *беспримерной*, потому что с этой стороны ни один русский поэт не может идти в сравнение с Гоголем. Всякий гениальный талант оригинален и самобытен; но есть разница меж-

¹ Показная, преувеличенная стыдливость, щепетильность. – *Ред.*

ду одною и другою оригинальностью, между одною и другою самобытностью. Оригинальность и самобытность Пушкина, в отношении к предшествовавшим ему поэтам, кроме печати особенности, положенной личностию его на его творения, состояла преимущественно в том, что их произведения были только стремлением к поэзии, а его – самою поэзиею; они, так сказать, были кандидатами на звание поэтов, а он был поэтом-художником в полном и совершенном значении этого слова. Но тем не менее, к чести предшественников Пушкина должно сказать, что они имели на него большее или меньшее влияние и их поэзия больше или меньше была предвестницею его (поэзии, особенно первых его опытов. Еще прямее и непосредственнее было влияние на Пушкина современных ему европейских поэтов. Если, при всем этом, первые произведения Пушкина одних неприятно, других к полному их удовольствию и восторгу поразили не только новостью, но и оригинальностью и самобытностью, – это показывает, как гениален был талант его. Но все-таки его первые произведения напоминали собою многое и в русской литературе, хотя и отдаленно, и еще более многое, и притом ближайшим образом, в иностранных литературах, – чему доказательством служит неудачно и неловко приданный ему титул русского Байрона. У Гоголя не было предшественников в русской литературе, не было (и не могло быть) образцов в иностранных литературах^[2]. О роде его поэзии, до появления ее, не было и намеков. Его поэзия явилась вдруг, неожиданная, непохожая

ни на чью другую поэзию. Конечно, нельзя отрицать влияния на Гоголя со стороны, например, Пушкина; но это влияние было не прямое: оно отразилось на творчестве Гоголя, а не на особенностях, не на физиономии, так сказать, творчества Гоголя. Это было влияние более времени; которое Пушкин подвинул вперед, нежели самого Пушкина. Разумеется, если б Гоголь явился прежде Пушкина, он не мог бы достигнуть той высоты, на которой он стоит теперь. Но прямого влияния, такого, какое имели (в большей или меньшей степени, ближе или отдаленнее) на Пушкина предшествовавшие ему русские и современные ему европейские поэты, – такого влияния со стороны Пушкина на Гоголя нельзя открыть никаких следов в сочинениях последнего. Сверх того, поэзия, избирающая своим предметом только положительно-прекрасные явления жизни и редко испытываемые человеком высокие ощущения, – такая поэзия, если не всем понятна в сущности, то всем доступна по наружности. По крайней мере, она до того нравится толпе, что даже и ложные таланты, если они не лишены блеска и смелости, увлекают ее, пародируя в своих хитро-изысканных выдумках высокую сторону действительности: это доказывает чрезвычайный, хотя и мгновенный успех Марлинского и... но не будем называть других – довольно и одного примера... Скажем более: толпа, представительница прозаической, будничной и черновой стороны жизни, терпеть не может, чтоб поэзия занималась ею, хотя и не смирение, а опасливость неуверенного в себе само-

любя причину этого; напротив, она любит, чтоб поэзия ей представляла все героев да твердила ей все о высоком и прекрасном. За голосом немногих, которым дано действительно понимать высокое жизни, толпа готова провозгласить великим гением даже Байрона, в котором она, толпа, неспособна понять ни пол-мысли, ни пол-стиха; но искренно пленяет и увлекает ее только театральное и мелодраматическое пародирование высокой стороны жизни (как в повестях Марлинского) или истинное и действительно прекрасное, то вместе с тем и не слишком великое, несколько незрелое и детское, потому что сама толпа есть не что иное, как вечный недоросль, что-то похожее на дряхлого ребенка или на младенчество старика. Лучшим доказательством справедливости наших слов может служить Пушкин. Когда слава его была в своей апогее, когда представители толпы провозглашали его «северным Байроном и представителем современного человечества»? – Тогда, когда он удивлял их «Русланом и Людмилою», «Братьями разбойниками», «Кавказским пленником», «Бахчисарайским фонтаном» и теми стихами, в которых воспевал золотую лень, шипучее вино и тому подобное. «Цыганы» приняты были уже с меньшим восторгом; «Полтава» публикою принята холодно, а журналисты встретили ее бранью; «Борис Годунов» вовсе не был оценен, – и многие ли даже теперь догадываются, что за великие создания – «Моцарт и Сальери», «Пир во время чумы», «Скупой рыцарь», «Галуб», «Медный всадник», «Каменный гость»?

Один из критиков того времени, в седьмой главе «Евгения Онегина», которая, по глубине чувства, по зрелости мысли, по художественной отделке, гораздо выше первых шести глав, увидел – *решительное падение*, chute complete² и с торжеством возвестил его на двух языках – русском и французском!.. Другой критик, говоря о той же седьмой главе «Онегина», сделал такое заключение, что Пушкин отстал от века и что на него *прошла мода*, как некогда *прошла мода* на Наполеона, потому что и он отстал от века!.. Еще двое других, как будто сговорясь между собою, несмотря на то, что были противниками по мнениям, объявляли, что в третьей части стихотворений Пушкина (вышедшей в 1832 году) не видно прежнего Пушкина!.. И они не ошиблись бы, если бы сказали это в том смысле, что Пушкин в этой третьей части стал выше, нежели как был в первых двух частях своих стихотворений; но, увы! – добрые критики говорили тут о падении Пушкина!.. Все это факты, которые, если бы понадобилось, мы скрепили бы указанием на страницы журналов блаженной памяти, в которых (печатались такие диковинки^[3]). И вот как судила толпа и о поэте, избравшем предметом песен своих высокую сторону жизни: она восхищалась его ученическими опытами и отступилась от него тотчас, как стал он мастером, и каким еще мастером – великим!..

Как же должна была судить толпа о поэте, дерзнувшем пойти по дороге, до него никому неведомой, решившемся,

² Полное падение. – *Ред.*

оставив в покое героев (которые, по правде сказать, на земле являются гораздо реже, нежели в фантазии поэтов), обратиться к толпе и к будничной жизни?.. Сначала, как и следует, она подумала, что этот поэт не знает ничего лучше ее, толпы, и не способен вознестись мыслию за границу вседневной прозаической жизни. И такое заключение было очень естественно с ее стороны: она не встречала в сочинениях этого поэта ни моральных сентенций, ни комических выходов. Напротив, она видела, что он рисует ей своих странных героев и их бедную, жалкую жизнь очень серьезно, говорит о них почти с такою же важностью, как в действительности говорят они о самих себе и своих делишках. Конечно: это писатель, положим, не без дарования, но мелкий, без фантазии, без души, без сердца, без способности понимать высокое и прекрасное, любящий изображать только грязную, неумытую природу! Но – странное дело! – толпа сама не могла не заметить, что она с жадностью его читает, что он чем-то сильно задевает и сердит ее; потом с изумлением узнает она, что *высший свет*, верховный представитель хорошего тона и приличия, оставляя без внимания *бонтонные, опрятные* произведения дюжинных сочинителей, без перчаток и с удовольствием читает сочинения этого писателя, исполненные дурного тона, оскорбляющих приличие выражений и картин и, кажется, назначенные для потехи самых необразованных читателей... В то же время нашлись люди, которые, по поводу сочинений этого писателя, заговорили о *юморе*

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.

Примечания

1.

Приведенная оценка Пушкина была высказана Н. Полевым.

2.

Этим категорическим утверждением Белинский лишь подчеркивает глубокую оригинальность Гоголя. Но в массе своих статей он неоднократно указывал на неразрывную связь Гоголя с «сатирическим направлением» в русской литературе (напр., статья «Кантемир», т. II наст. изд.). В 8-й статье пушкинского цикла критик указывал, что «Евгений Онегин» и «Горе от ума» «положили собою основание последующей литературе, были школою, из которой вышли и Лермонтов и Гоголь».

3.

Бранный отзыв о «Полтаве» принадлежал Н. И. Надеждину («Вестник Европы», 1829, №№ 8 и 9).